

К. МАРКС

**КЛАССОВАЯ БОРЬБА
ВО ФРАНЦИИ
с 1848 по 1850 г.**

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1950

Подписано к печати с матриц
2/II 1950 г. М-05947. Формат $82 \times 110^{1/32}$.
Объём $91\frac{1}{2}$ п. л. Уч.-изд. листов 8,29.
Тираж 100 тыс. Заказ № 530.
Цена 1 руб. 75 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главполиграфиз-
дата при Совете Министров СССР,
Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Введение Ф. Энгельса</i>	3

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ с 1848 по 1850 г.

I. Июньское поражение 1848 г.	27
II. 13 июня 1849 г.	55
III. Последствия 13 июня 1849 г.	90
IV. Отмена всеобщего избирательного права в 1850 г.	127
<i>Указатель важнейших имен</i>	144

Пролетарии всех стран, со

К. МАРКС

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

ВО ФРАНЦИИ

с 1848 по 1850 г.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1 9 5 0

ВВЕДЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА

Переиздаваемая здесь работа была первой попыткой Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения. В «Коммунистическом Манифесте» эта теория была применена в общих чертах ко всей новой истории; в статьях в «Новой Рейнской Газете»¹ Маркс и я постоянно пользовались ею для объяснения текущих политических событий. Здесь же дело шло о том, чтобы на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, стало быть, согласно концепции автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических.

При суждении о событиях и рядах событий текущей истории никогда не удастся дойти до *конечных* экономических причин. Даже в настоящее время, когда соответствующие специальные органы печати дают такую массу материала, нет возможности даже в Англии проследить ход развития промышленности и торговли на мировом рынке и изменения, совершающиеся в методах производства, проследить их изо дня в день таким образом, чтобы можно было для любого момента подвести общий итог

¹ «*Neue Rheinische Zeitung*» — выходила в Кельне с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. Главным редактором ее был Маркс. *Ред.*

этим многосложным и постоянно изменяющимся факторам, из которых к тому же важнейшие большей частью действуют скрыто в течение долгого времени, прежде чем внезапно с силой прорваться наружу. Ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями, ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал. Необходимым вспомогательным средством является тут статистика, а она всегда запаздывает. Поэтому при рассмотрении текущих событий слишком часто приходится этот фактор, имеющий решающее значение, рассматривать как постоянный, принимать экономическое положение, сложившееся к началу рассматриваемого периода, за данное и неизменное для всего периода или же принимать в расчет лишь такие изменения этого положения, которые сами вытекают из имеющихся налицо очевидных событий, а поэтому также вполне очевидны. Поэтому материалистическому методу слишком часто приходится здесь ограничиваться тем, чтобы сводить политические конфликты к борьбе интересов наличных общественных классов и классовых прослоек, созданных экономическим развитием, а отдельные политические партии рассматривать как более или менее адекватное политическое выражение этих самых классов и классовых прослоек.

Само собою разумеется, что такое неизбежное игнорирование совершающихся в то же время изменений экономического положения, этой подлинной основы всех исследуемых процессов, должно быть источником ошибок. Но все условия обобщающего изложения текущей истории неизбежно заключают в себе источники ошибок, что, однако, никого не заставляет отказаться писать историю текущих событий.

Когда Маркс принялся за эту работу, упомянутый источник ошибок был в еще большей мере неизбежен. Во время революции 1848—1849 гг. следить за совершавшимися в то же время экономическими изменениями или даже сохранять их в поле зрения было просто невозможно. Так же невозможно было это и в первые месяцы изгнания в Лондоне, осенью и зимой 1849—1850 годов. Но именно в это время Маркс и начал свою работу. И, несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, бла-

годаря своему знанию во всех подробностях как экономического положения Франции накануне февральской революции, так и политической истории этой страны после февральской революции Маркс смог дать такое изложение событий, которое вскрывает их внутреннюю связь с до сих пор непревзойденным совершенством; и изложение это блестяще выдержало двукратное испытание, произведенное впоследствии самим Марксом.

Первое испытание произведено было в связи с тем, что с весны 1850 г. Маркс снова нашел досуг для занятий экономическими вопросами и прежде всего принялся за экономическую историю последних десяти лет. В результате ему из самих фактов стало вполне ясно то, что до сих пор он выводил наполовину априорно из далеко не полного материала: именно, что мировой торговый кризис 1847 г. собственно и породил февральскую и мартовскую революции и что промышленное процветание, мало-помалу снова наступившее с середины 1848 г. и достигшее полного расцвета в 1849 и 1850 гг., было движущей силой вновь окрепнувшей европейской реакции. Это имело решающее значение. Если в трех первых статьях (появившихся в январском, февральском и мартовском номерах журнала «Новая Рейнская Газета. Политико-экономическое Обозрение», Гамбург, 1850 г.¹) проглядывает еще ожидание скорого нового подъема революционной энергии, то исторический обзор (май — октябрь), написанный Марксом и мною для последнего двойного номера, вышедшего осенью 1850 г., раз навсегда порывает с этими иллюзиями: «Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего». Однако это и было единственным существенным изменением, которое нам пришлось внести. В толковании событий, данном в прежних статьях, в причинных связях, там установленных, изменять было решительно нечего, как показывает данное в том же обзоре продолжение повествования с 10 марта по осень 1850 года. Это продолжение я включил поэтому как четвертую статью в нынешнее издание.

¹ «*Neue Rheinische Zeitung. Politisch-Ökonomische Revue*» — журнал, издававшийся Марксом и Энгельсом с января по октябрь 1850 г.; печатался в Гамбурге. *Ред.*

Второе испытание было еще более суровым. Тотчас после государственного переворота, произведенного Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г., Маркс заново разработал историю Франции от февраля 1848 г. вплоть до этого события, завершившего на время революционный период («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», третье издание, Гамбург, Мейснер, 1885 г.). В этой брошюре снова излагается, хотя и более кратко, период, рассмотренный в переиздаваемой нами работе. Сравните это второе изложение, написанное в свете совершившегося через год с лишним решающего события, с первым изложением, и вы убедитесь, что автору пришлось изменить лишь очень немногое.

Совсем особое значение придает этой работе то обстоятельство, что в ней впервые дана формула, в которой рабочие партии всех стран мира единогласно кратко резюмируют свое требование экономического преобразования: присвоение средств производства обществом. Во второй главе, по поводу «права на труд», называемого там «первой неуклюжей формулой, в которой резюмируются революционные требования пролетариата», говорится: «Но за правом на труд кроется власть над капиталом, а за властью над капиталом — *присвоение средств производства*, подчинение их ассоциированному рабочему классу, следовательно уничтожение наемного труда, капитала и их взаимоотношения». Таким образом, здесь впервые формулировано положение, которым современный рабочий социализм резко отличается как от всех разновидностей феодального, буржуазного, мелкобуржуазного и т. д. социализма, так и от туманной «общности имущества», выдвигавшейся утопическим и стихийным рабочим коммунизмом. Если впоследствии Маркс распространил эту формулу и на присвоение средств обмена, то такое расширение формулы, вытекавшее, впрочем, само собой из «Коммунистического Манифеста», представляло собой лишь вывод из основного положения. Недавно некоторые мудрецы в Англии добавили еще к этому, что обществу должны быть переданы также и «средства распределения». Едва ли эти господа сумели бы сказать, что такое эти экономические средства распределения, отличные от средств производства и средств обмена; уж не имеют ли они в виду *политические сред-*

ства распределения: налоги, призрение бедных, в том числе саксенвальдские¹ и другие дотации? Но ведь эти средства распределения уже и теперь являются общественным достоянием, принадлежат государству или общине, а, во-вторых, их-то мы как раз и хотим упразднить.

* * *

Когда вспыхнула февральская революция, все мы в своих представлениях об условиях и ходе революционных движений находились под влиянием прошлого исторического опыта, главным образом опыта Франции. Ведь именно она играла главную роль во всей европейской истории с 1789 г., именно ею был и теперь вновь подан сигнал ко всеобщему перевороту. Поэтому было вполне естественно и неизбежно, что наши представления о характере и ходе провозглашенной в феврале 1848 г. в Париже «социальной» революции, революции пролетариата, были ярко окрашены воспоминаниями о прообразах 1789—1830 годов. А когда парижское восстание нашло отклик в победоносных восстаниях Вены, Милана, Берлина; когда вся Европа вплоть до русской границы была вовлечена в движение; когда затем в июне в Париже произошла первая великая битва за господство между пролетариатом и буржуазией; когда даже победа буржуазного класса настолько потрясла буржуазию всех стран, что она снова бросилась в объятия только что свергнутой монархическо-феодальной реакции, — тут уж при тогдашних обстоятельствах для нас не могло быть никакого сомнения в том, что начался великий решительный бой, что он должен быть доведен до конца в течение одного длительного и исполненного превратностей революционного периода, что завершиться, однако, он может лишь окончательной победой пролетариата.

После поражений 1849 г. мы вовсе не разделяли иллюзий вульгарной демократии, группировавшейся *in partibus*² вокруг будущих временных правительств. Она рассчитывала на скорую и окончательную победу

¹ Саксенвальд — обширное имение, подаренное Вильгельмом I Бисмарку в 1871 г. *Ред.*

² *In partibus infidelium* — дословно — в стране неверных, т. е. за пределами своей страны, в эмиграции. *Ред.*

«народа» над «тиранами», мы же — на продолжительную борьбу, после устранения «тиранов», между таившимися в этом самом «народе» противоположными элементами. Вульгарная демократия со дня на день ждала нового взрыва; мы еще осенью 1850 г. заявили, что во всяком случае *первый* этап революционного периода закончен и что до наступления нового мирового экономического кризиса ничего ожидать нельзя. Поэтому мы и были подвергнуты отлучению как изменники революции теми самыми людьми, которые впоследствии почти все без исключения заключили мир с Бисмарком, поскольку Бисмарк их этого удостоил.

Однако история показала, что неправы были и мы, что взгляд, которого мы тогда придерживались, был иллюзией. История пошла еще дальше: она не только рассеяла наше тогдашнее заблуждение, но совершенно изменила и те условия, при которых приходится бороться пролетариату. Способ борьбы, применявшийся в 1848 г., теперь во всех отношениях устарел, и этот пункт заслуживает в данном случае более подробного рассмотрения.

Все прежние революции сводились к замене господства одного определенного класса господством другого; но все господствовавшие до сих пор классы являлись лишь ничтожным меньшинством по сравнению с подвластной народной массой. Таким образом, одно господствующее меньшинство свержалось, другое меньшинство овладевало вместо него кормилом государственной власти и преобразовывало государственные порядки согласно своим интересам. Всякий раз это бывала та группа меньшинства, которая на данном уровне экономического развития была способна и призвана господствовать, и именно поэтому — и только поэтому — при перевороте подвластное большинство либо принимало участие в перевороте в пользу этой группы, либо же спокойно примирялось с переворотом. Но, если отрешиться от конкретного содержания каждого отдельного случая, общая форма всех этих революций заключалась в том, что это были революции меньшинства. Если большинство и принимало в них участие, оно действовало — сознательно или бессознательно — лишь на пользу меньшинства; но именно это или даже просто пассивное поведение большинства, отсутствие сопротивления с его стороны созда-

вало иллюзию, будто это меньшинство является представителем всего народа.

После первого большого успеха победоносное меньшинство обыкновенно раскалывалось: одна часть его удовлетворялась достигнутым, другая желала идти дальше, ставила новые требования, соответствовавшие, по крайней мере отчасти, подлинным или воображаемым интересам широких народных масс. В отдельных случаях эти более радикальные требования действительно осуществлялись, но по большей части только на очень короткое время: более умеренная партия снова одерживала верх и сводила — целиком или отчасти — на нет последние завоевания; тогда побежденные начинали кричать об измене или объясняли поражение случайностью. В действительности же дело большей частью обстояло так: то, что было завоевано при первой победе, становилось прочным лишь благодаря второй победе более радикальной партии; как только это бывало достигнуто, а тем самым выполнялось то, что было в данный момент необходимо, радикалы и их достижения снова сходили со сцены.

Во всех революциях новейшего времени, начиная с великой английской революции XVII века, обнаруживались эти черты, казавшиеся неотделимыми от всякой революционной борьбы. Казалось, что они свойственны и борьбе пролетариата за свое освобождение, тем более что как раз в 1848 г. можно было по пальцам перечесать людей, которые хоть сколько-нибудь понимали, в каком направлении следует искать это освобождение. Даже в Париже самым пролетарским массам и после победы было совсем неясно, каким путем им следует идти. И все же движение было налицо — инстинктивное, стихийное, неудержимое. Разве это не было именно таким положением, при котором должна была увенчаться успехом революция, руководимая, правда, меньшинством, но на этот раз не в интересах меньшинства, а в самых доподлинных интересах большинства? Если во все сколько-нибудь продолжительные революционные периоды широкие народные массы так легко давали себя увлечь пустыми, лживыми приманками рвавшихся вперед меньшинств, то могли ли они быть менее восприимчивыми к идеям, бывшим наиболее точным отражением их экономического положения, к идеям, представлявшим собой не что иное,

как ясное, разумное выражение их потребностей, еще не понятых, но уже смутно ощущаемых ими самими? Правда, это революционное настроение масс почти всегда и большей частью очень скоро сменялось утомлением или даже поворотом в противоположную сторону, как только рассеивались иллюзии и наступало разочарование. Но здесь дело шло не о лживых приманках, а об осуществлении самых доподлинных интересов огромного большинства; эти интересы, правда, тогда еще отнюдь не были ясны этому огромному большинству, но скоро должны были в ходе своего практического осуществления, вследствие убедительной очевидности, стать для него достаточно ясными. А к тому же, как доказано в третьей статье Маркса, к весне 1850 г. развитие буржуазной республики, возникшей из «социальной» революции 1848 г., привело к тому, что действительное господство оказалось сосредоточенным в руках крупной буржуазии, настроенной вдобавок монархически, а все другие общественные классы, крестьяне и мелкие буржуа, напротив, сгруппировались вокруг пролетариата, так что при общей победе и после нее решающим фактором должны были оказаться не они, а умудренный опытом пролетариат. Неужели при этих условиях нельзя было вполне рассчитывать на то, что революция меньшинства превратится в революцию большинства?

История показала, что и мы и все мыслившие подобно нам были неправы. Она ясно показала, что состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и собственно впервые фактически укоренила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, в Польше, недавно и в России, а из Германии сделала прямо-таки первоклассную промышленную страну, — и все это на капиталистической основе, которая, стало быть, в 1848 г. обладала еще большой способностью к расширению. Но именно эта промышленная революция и внесла повсюду ясность в классовые отношения; она устранила множество промежуточных форм, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе даже из цехового ремесла,

породила подлинную буржуазию и подлинный крупно-промышленный пролетариат, выдвинув их на авансцену общественного развития. А вследствие этого борьба этих двух великих классов, происходившая в 1848 г. кроме Англии только в Париже и разве еще в некоторых крупных промышленных центрах, теперь распространилась по всей Европе и достигла такой интенсивности, какая в 1848 г. была еще немыслимой. Тогда — множество смутных сектантских евангелий с их всеисцеляющими средствами; теперь — *одна* общепризнанная, до прозрачности ясная теория Маркса, отчетливо формулирующая конечные цели борьбы; тогда — разделенные и разобщенные местными и национальными особенностями массы, связанные лишь чувством общих страданий, неразвитые, беспомощно переходившие от воодушевления к отчаянию; теперь — *единая* великая интернациональная армия социалистов, неудержимо шествующая вперед, с каждым днем усиливающаяся в численности, организованности, дисциплинированности, сознательности и уверенности в победе. Если даже и эта могучая армия пролетариата все еще не достигла цели, если она, отнюдь не добившись *одним* решительным ударом победы, вынуждена медленно пробиваться вперед, завоевывая в суровой, упорной борьбе одну позицию за другой, то это окончательно доказывает, насколько невозможно было в 1848 г. достичь социального преобразования посредством простого внезапного нападения.

Распавшаяся на две династически-монархические части буржуазия¹, которая, однако, прежде всего требовала спокойствия и безопасности для своих денежных дел; против нее — хотя и побежденный, но все еще грозный пролетариат, вокруг которого все более и более группировались мелкие буржуа и крестьяне; постоянная угроза насильственного взрыва, который ко всему тому не подавал никаких надежд на окончательное разрешение вопроса, — таково было положение, как бы созданное для государственного переворота третьего, псевдо-

¹ Имеются в виду *легитимисты*, сторонники «легитимной» («законной») монархии Бурбонов, находившейся во Франции у власти до 1792 г., а также во время реставрации (1815—1830), и *орлеанисты*, сторонники Орлеанской династии, ставшей у власти со времени июльской революции 1830 г. и низвергнутой революцией 1848 г. *Ред.*

демократического претендента, Луи Бонапарта. 2 декабря 1851 г. он с помощью армии положил конец напряженному состоянию и обеспечил Европе внутреннее спокойствие, осчастливив ее зато новой эрой войн¹. Период революций снизу был на время закончен; последовал период революций сверху.

Возврат к империи в 1851 г. дал новое доказательство незрелости пролетарских стремлений того времени. Но сама же империя принуждена была создавать те условия, при которых они должны были достигнуть зрелости. Внутреннее спокойствие обеспечило полный простор для нового подъема промышленности; необходимость дать работу армии и отвлечь революционные стремления вопросами внешней политики породила войны, посредством которых Бонапарт, под предлогом защиты «принципа национальностей», старался всякими уловками добиться аннексий для Франции. Его подражатель Бисмарк усвоил ту же политику для Пруссии; в 1866 г. он произвел свой государственный переворот, свою революцию сверху по отношению к Германскому союзу и к Австрии, а также по отношению к прусской палате, вступившей в конфликт с правительством. Но Европа была слишком мала для двух Бонапартов, и вот по иронии истории получилось, что Бисмарк сверг Бонапарта и что Вильгельм, король Пруссии, создал не только малогерманскую империю, но и французскую республику. Общим же результатом было то, что самостоятельность и внутреннее единство великих европейских наций, за исключением одной только Польши, стали действительностью. Стали, правда, в сравнительно скромных границах, но все же в границах, достаточно широких для того, чтобы процесс развития рабочего класса не тормозился более национальными осложнениями. Могильщики революции 1848 г. стали ее душеприказчиками. А рядом с ними уже грозно поднимался наследник 1848 г., пролетариат в лице *Интернационала*.

¹ При Наполеоне III Франция участвовала в Крымской кампании (1854—1855), вела войну с Австрией из-за Италии (1859), вместе с Англией участвовала в войнах против Китая (1856—1858 и 1860), начала завоевание Индо-Китая, организовала экспедицию в Сирию (1860—1861) и Мексику (1862—1867), наконец, в 1870—1871 гг. вела войну против Пруссии. *Ред.*

После войны 1870—1871 гг. Бонапарт исчезает со сцены, а миссия Бисмарка оказывается выполненной, так что он снова может превратиться в заурядного юнкера. Но завершением этого периода является Парижская Коммуна. Вероломная попытка Тьера украсть у парижской Национальной гвардии ее артиллерию вызвала победоносное восстание. Снова обнаружилось, что в Париже уже невозможна никакая другая революция, кроме пролетарской. После победы господство досталось рабочему классу само собой, без всякого спора. И снова обнаружилось, как невозможно было даже и тогда, через двадцать лет после периода, рассмотренного в предлагаемой брошюре, это господство рабочего класса. С одной стороны, Франция бросила Париж на произвол судьбы, равнодушно наблюдая, как он истекал кровью под ядрами Мак-Магона; с другой стороны, Коммуна истощалась в бесплодной борьбе двух партий, на которые она разделялась: бланкистов (большинство) и прудонистов (меньшинство), из которых ни те, ни другие не знали, что надо было делать. Легкая победа 1871 г. оказалась столь же бесплодной, как и внезапное нападение в 1848 году.

Вместе с Парижской Коммуной надеялись окончательно похоронить борющийся пролетариат. Но как раз наоборот, со времени Коммуны и с франко-прусской войны начинается его наиболее мощный подъем. Включение всего населения, способного носить оружие, в армии, насчитывавшие уже миллионы солдат, введение огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ еще неслыханной силы — все это создало полный переворот во всем военном деле, круто положивший, с одной стороны, конец бонапартистскому периоду войн и обеспечивший мирное промышленное развитие, сделав невозможной никакую другую войну, кроме неслыханной по своей жестокости мировой войны, исход которой совершенно не поддается учету. С другой стороны, этот переворот, вызвавший возрастание военных расходов в геометрической прогрессии, заставил поднять налоги до невероятной высоты и бросил тем самым неимущие классы населения в объятия социализма. Аннексия Эльзас-Лотарингии, ближайшая причина бешеной гонки военных вооружений, могла разжечь

шовинизм французской и немецкой буржуазии друг против друга, но для рабочих обеих стран она стала лишь новым связующим звеном. И день годовщины Парижской Коммуны стал первым общим праздничным днем для всего пролетариата.

Война 1870—1871 гг. и поражение Коммуны, как предсказывал Маркс, временно перенесли центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию. Во Франции, разумеется, понадобились годы, чтобы оправиться от кровопускания, устроенного в мае 1871 года. Наоборот, в Германии, где все быстрее развивалась промышленность, поставленная вдобавок благоприятными французскими миллиардами в прямо-таки тепличные условия, еще быстрее и неуклоннее вырастала социал-демократия. В результате того умения, с которым немецкие рабочие использовали введенное в 1866 г. всеобщее избирательное право, изумительный рост партии ясно виден всему миру из бесспорных цифр: в 1871 г. — 102 000, в 1874 г. — 352 000, в 1877 г. — 493 000 социал-демократических голосов. Затем последовало признание этих успехов свыше в виде закона против социалистов; партия была временно разбита, число голосов упало в 1881 г. до 312 000. Но с этим партия быстро справилась, и вот под гнетом исключительного закона, без прессы, без легальной организации, без права союзов и собраний, только и начался по-настоящему быстрый рост: в 1884 г. — 550 000, в 1887 г. — 763 000, в 1890 г. — 1 427 000 голосов. Тут рука государства ослабела. Закон против социалистов исчез, число социалистических голосов увеличилось до 1 787 000, что составило более четверти всех поданных голосов. Правительство и господствующие классы исчерпали все свои средства — бесполезно, бесцельно, безрезультатно. Властям, от ночного сторожа до рейхсканцлера, пришлось получить — и притом от презренных рабочих! — осязательные доказательства своего бессилия, и доказательства эти насчитывались миллионами. Государство зашло в тупик, рабочие же только начинали свой путь.

Но наряду с этой первой услугой, которую немецкие рабочие оказали делу рабочего класса одним своим существованием в качестве самой сильной, самой дисциплинированной и наиболее быстро растущей социали-